

ного, в том числе отрицание крепостных порядков, отразилось затем на страницах его романов.³⁹

Думается, что в блестящих словесных импровизациях Белинского затрагивались и законодательные решения по ключевым проблемам внутренней политики начала 1840-х годов, и «административные меры», принятые по крестьянскому вопросу во второй половине десятилетия.

Исходя из сказанного, можно считать, что пожелание Райского отпустить мужиков «на волю» относилось к правовым установлениям, регулирующим отношения между помещиком и его крестьянами в соответствии с указом 1842 года. И речь в диалогах с бабушкой шла не о выкупе личной свободы с приобретением земельной собственности, а о переводе в состояние «обязанных» крестьян и долгосрочной аренде надела.⁴⁰ Подтверждением тому служат слова самого героя: «Они наймут у меня землю, будут платить мне что-нибудь» (7, 163).

³⁹ Подробнее об этом см.: Пиксанов Н. К. Роман Гончарова «Обрыв» в свете социальной истории. Л., 1968. С. 103–113.

⁴⁰ Ср. с рассказанной в очерке «Матвей» историей персонажа, на протяжении многих лет стремившегося выкупиться из крепостного состояния; прототипом этого героя из цикла «Слуги старого века» стал некий Филипп, служивший у Гончарова в период проживания писателя в доме Шамшева на Литейном проспекте (№ 52) с 1837 по 1852 год.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-65-74

© О. В. МАКАРЕВИЧ

КОНТЕКСТЫ ПИСЬМА-ИСПОВЕДИ («POUR ET CONTRE» И. А. ГОНЧАРОВА)

Под заглавием «Pour et contre» известен отрывок, отправленный И. А. Гончаровым Елизавете Васильевне Толстой (1827–1877) в числе прочей корреспонденции, адресованной писателем возлюбленной после ее отъезда в Москву в октябре 1855 года. В исследовательской литературе он нередко называется «исповедью любви».¹ Напомним, что впервые Гончаров и Толстая встретились в доме Майковых еще в 1843 году, а затем лишь 12 лет спустя, в 1855-м, и недавно вернувшийся из продолжительного морского похода писатель был покорен «ее чарующей красотой, добрым сердцем, тонким женским умом».² Толстая показалась писателю искомым идеалом женщины: «...ей дано все, чтобы быть единственной из числа немногих — возвышенностью характера, чистотой сердца, прямоотой и достоинством» (XII, 223).³ Светская красавица не отвечала ему взаимностью — а в январе 1857 года Толстая вышла замуж за своего кузена А. И. Мусина-Пушкина.

¹ Рыбасов А. И. А. Гончаров. М., 1962. С. 116.

² Демиховская О. А. «Послегончаровская» судьба Е. В. Толстой // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. конф., посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1998. С. 311.

³ Здесь и далее ссылки на публикацию писем Гончарова к Толстой: Письма И. А. Гончарова к Е. В. Толстой / Публ. П. Н. Сакулина // Голос минувшего. 1913. № 11. С. 215–235; № 12. С. 222–251 — приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера журнала римскими и страницы арабскими цифрами.

Исследователи неоднократно подчеркивали параллели между письмами Гончарова к Толстой и соответствующими страницами «Обломова»: «Создатель романа и его герой руководствуются одной и той же теорией любви. У них — один идеал женщины: для героя романа он воплотился в Ольге Сергеевне, для И. А. Гончарова — в Е. В. Толстой. Портреты Е. В. Толстой и Ольги Ильинской, выполненные в одной лирической окраске, почти совпадают. Е. В. Толстая „создана гармонически-прекрасно, наружно и внутренно“. „Она такое артистически щеголеватое создание, она аристократка природы“. Если бы Ольгу Ильинскую „обратить в статую, она была бы статуя грации и гармонии“. Она — „артистически созданное существо“. Писатель наделял Ольгу Ильинскую особенностями, которые заметил у Е. В. Толстой. Гончаров называл Е. В. Толстую своим идеалом, „прекраснейшей, лучшей, первой женщиной“. „Ольга! — восклицал Обломов. — Вы... лучше всех женщин, вы первая женщина в мире!..“».⁴ Еще при первой публикации корреспонденции П. Н. Сакулин подчеркнул, что она «имеет существенное значение для уяснения процесса создания „Обломова“ и для понимания психологии самого писателя».⁵

Отмечая, что «причина обращения Гончарова с обширными исповедальными письмами именно к представительницам нежного пола коренилась <...> в особенностях его душевного склада и в <...> понимании женского начала...», В. А. Недзвецкий проводил параллели не только с Ольгой в «Обломове», но и с Верой, героиней «Обрыва»: «Не физическим влечением, а именно сердечным участием <...> мотивировал романист зарождение любви Ольги Ильинской к Обломову и Веры — к Волохову. И не подобная безупречной прекрасной античной статуе холодная Софья Беловодова, но одухотворенная и страдавшая Вера будет названа в „Обрыве“ „живую, неотразимо пленительной женщиной“, совместившей в своем облике и „идею“ женской красоты и „воплощение идеи“ <...>. То же разумение женщины и женственности и в словах „артиста“ Бориса Райского из „посвящения“ к его несостоявшемуся роману, которые Гончаров не случайно процитирует (по рукописному тексту «Обрыва») в своей автокритической статье „Лучше поздно, чем никогда“: „Восхищаясь вашею красотою, вашею исполинскою силою — женскою любовью, — пишет он, — я слабою рукою писал женщину <...> Мы не равны; вы выше нас, вы — сила; мы — ваше орудие <...> Мы — творцы в черной работе <...> Вы — создательницы и воспитательницы людей, вы — прямое, лучшее орудие Бога“».⁶

В корпусе сохранившейся переписки выделяется обособленный и значительный по объему фрагмент, озаглавленный «Pour et contre», неоднократно упоминавшийся исследователями творчества Гончарова как своего рода претекст двух его последних романов,⁷ но никогда не становившийся предметом специального разбора. В письме Толстой от 25 октября 1855 года писатель рассказывал историю возникновения этого текста: «...Вы едва успели миновать Тверь, а у меня в голове, неправда, в душе, созрел уже план <...> главы

⁴ Демиховская О. А. Творческая история романа И. А. Гончарова «Обломов» // Гончаров И. А. Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года. Ульяновск, 1992. С. 138.

⁵ Сакулин П. Н. Новая глава из биографии И. А. Гончарова в неизданных письмах // Голос минувшего. 1913. № 11. С. 65.

⁶ Недзвецкий В. А. Эпистолярный жанр в творчестве и в жизни Гончарова // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. С. 331.

⁷ Ср.: «...это дает нам основание протянуть нити от переписки Гончарова к его роману „Обломов“. В этом случае мы идем по пути, на который давно уже вступили исследователи Гончарова (и С. А. Венгеров, и особенно Е. А. Ляцкий) и который санкционируется известным признанием Гончарова в статье „Лучше поздно, чем никогда“...» (Сакулин П. Н. Новая глава из биографии И. А. Гончарова в неизданных письмах. С. 57).

романа <...> не того романа, который должен быть готов через полтора года во имя Ваше, а того, который начался в душе героя и Бог весть когда кончится» (XI, 230). И далее выражал свои сомнения, предопределяя двойственность восприятия этой «главы романа». Прежде всего, «это одна из больных, жалких страниц романа <...>. Я даже в сомнении, посылать ли эту исповедь героя, довольно безобразную, как рана, которую человек решается показать другу только потому, что надеется возбудить ею не отвращение, а участие» (XI, 230). Но кроме того, Гончаров одновременно осознавал своеобразную иронию, присущую тексту: он «может позабавить, заставить не раз улыбнуться, а местами Вы не без участия увидите, как мучительно герой допытывается узнать героиню до самой маленькой веснушки на лице, до крошечного пятнышка на совести, чтобы любить ее или без сомнений, или прояснить их и любить со всеми пятнышками и веснушками» (XI, 230). Особо подчеркнем также, что отрывок, озаглавленный «Pour et contre», первоначально был частью письма от 20 октября 1855 года, однако сразу же был исключен из текста Гончаровым — а само письмо было продолжено далее: «Я написал было на том листке целую сцену, но оторвал другую половинку и пришлю ее не прежде, как если Вы изъявите желание читать дальше и если уверите, что письма доходят до Ваших рук прямо и непосредственно» (XI, 228). Таким образом, «Pour et contre», хоть и было по изначальному замыслу частью письма, является отдельной, независимой «сценой», «главой романа» — иными словами, самостоятельным произведением в жанре отрывка. Сохраняя свою открытость относительно реципиента («финал» душевной драмы героя остается читателю неизвестен), «Pour et contre», тем не менее, воспроизводит творчески переосмысленный, замкнутый в себе художественный мир.

Гончаров сознательно придерживается установки на отрывочность, фрагментарность произведения. Открытое произведение не конструирует закрытый, самодостаточный мир вымысла, а ставит перед читателем вопросы о «своем смысле, предлагаая или даже навязывая ему бесчисленную череду истолкований и категорически отвергая возможность однозначного понимания».⁸ Эта установка отвечает диалогическому характеру текста, а также отражается в заглавии, которое воспроизводит французскую идиому «pour et contre» («за и против»). Выбранное Гончаровым название неоднократно встречается в литературе. Среди ближайших контекстов, с нашей точки зрения, должен быть указан роман Ч. Р. Мэтьюрина «Женщины, или За и против» («Women, or Pour et Contre», 1818).⁹ Помимо сходства в заголовках, допустимо провести параллель и с авторским замыслом: Мэтьюрин, отмечавший влияние на свое сочинение романа Ж. де Сталь «Коринна», хотел показать душевную драму одаренной женщины, столкнувшейся с общественными предрассудками, а также в целом размышлял о судьбе и предназначении женщины. В центре романа, во многом сохраняющего связь с традициями готической прозы «ужасов и бурь», оказались судьбы Заиры, обольстительной женщины и талантливой певицы, и ее дочери Евы, воспитанной в строгих христианских правилах и глубоко, до экзальтированности, религиозной. Подобно главному герою

⁸ Ильин И. П. Открытое произведение // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М., 2004. С. 304.

⁹ Роман до сих пор не переведен на русский язык, и у нас нет прямых доказательств знакомства с ним Гончарова. Однако самый известный роман Мэтьюрина «Мельмот Скиталец» (1820, рус. пер. — 1833) упоминается в «Литературном вечере» среди «хороших романов» прежних времен, т. е., судя по контексту, 1830-х годов (см.: Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1954. Т. 7. С. 149). Учитывая широкую популярность произведения и его автора (см.: Алексеев М. П. Английская литература: Очерки и исследования. Л., 1991. С. 236), можно с большой вероятностью предполагать, что Гончарову было знакомо и более раннее сочинение английского писателя.

романа Мэтьюрина Шарлю де Курси, готовому пожертвовать всем ради разрушительной и роковой любви к Заире, герой Гончарова также идеализирует свою возлюбленную и отдает свою судьбу в ее руки, считая невозможным счастье вдали от нее. Так или иначе, оба произведения ставили проблему, вошедшую в историю как «женский вопрос», — проблему роли женщины в семье и обществе, женского идеала, нравственных и интеллектуальных качеств, присущих женщине в отличие от мужчины и т. п.

По форме «Pour et contre» представляет собой диалог двух персонажей, в который изредка вклиниваются реплики «хозяйки». Один из них — писатель (что следует из реплики «Ты книги сочиняешь, лучше меня выразишь»), и это один из немногих биографических фактов, который сообщается о героях), другой — его приятель, влюбленный в женщину и страдающий от неразделенной любви. Этот диалог во многом наследует той особой форме, которую В. М. Маркович проанализировал на примере «Обыкновенной истории» и назвал «своеобразным диалогом языков».¹⁰ Реплики «приятеля» крайне эмоциональны, взволнованны, экспрессивны, местами патетичны, что проявляется прежде всего в «рваном» синтаксисе (неполные и незаконченные предложения соседствуют с распространенными, осложненными различными конструкциями), а также подчеркивается авторскими ремарками: «живо, с умилением прибавил он», «крикнул он на меня», «заметил мне мой приятель и изменился в лице», «задумчиво говорил мне приятель», «почти со слезами сказал он», «упрямо твердил он» и т. д. Его собеседник, писатель, гораздо более сдержан и уравновешен, «трезво-прозаичен», его реплики значительно более кратки. Как и Адуев-старший, он склонен к иронии, причем склонен разрушать патетику речи влюбленного приятеля, обыгрывая и переосмысляя смысл и/или форму его собственных фраз. Так, в «главе романа» обыгрывается текст Десяти заповедей:

«— <...> А попробуй сказать ей: не кокетничай, не неряшествоуй, ни физически, ни морально, как в потере вещей из мешка, в раздирании платьев, в разбрасывании носовых платков и денег по полу и по диванам, так и в отношениях и в сношениях с разными лицами, а взвешивай свои отношения строго, не рассылай по всем концам света портретов из суетности и кокетства, не будь слепо доверчива ко всем, не лукавь...»

— Не укради, не убий, не послушествоуй на друга твоего свидетельства ложна, — продолжал я, — так и увидишь, что ничего не выйдет» (XII, 226).

Показательно, что ниже ирония героя-«писателя», также отсылающая к известной библейской цитате, будет более завуалированной:

«— Ужели ты так шутишь и в свои торжественные или печальные минуты? — спросил он в негодовании.

— Да, всегда, всюду, шутка не стареет никогда, не изменяет, не надоедает, шутка в мучениях вызывает улыбку, шутка...» (XII, 228).

Здесь влюбленный приятель иронию не распознал и аллюзию на Первое послание к коринфянам (1 Кор. 13: 4–8: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего...») не узнал, продолжив диалог.¹¹

¹⁰ Маркович В. М. Своеобразие диалогического конфликта в романе Гончарова «Обыкновенная история» // Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы). Л., 1982. С. 90.

¹¹ Ирония и автоирония в целом характерны стилю Гончарова, весьма многообразны и неоднократно осмыслены в исследовательской литературе (см., к примеру: Ehre M. Oblomov and His Creator: The Life and Art of Ivan Goncharov. Princeton, 1973. P. 35–36; Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. М., 1977. С. 159–170; Маркович В. М. Чужая речь и взаимодействие речевых манер в романе Гончарова «Обыкновенная история» // Макаревич О. В. Роман «Обыкновенная история» Гончарова: Проблемы диалогичности. М., 2007. С. 100–101).

Н. В. Калинина, сопоставляя двух персонажей «Pour et contre», обратила внимание также на различие использованных ими в споре музыкальных аргументов: «лучший друг» «апеллировал к мелодраматической цитате из оперы Доницетти», а «писатель» — «к знаменитой своей бесцеремонностью песенке герцога из „Риголетто“». При этом сюжетная линия Эдгара из оперы Г. Доницетти «Лючия ди Ламмермур» «закрепилась в памяти писателя (Гончарова. — О. М.) в качестве звуковой параллели к собственным несбывшимся надеждам <...> Песенка герцога из „Риголетто“ манифестировала прямо противоположный тип оценки возникшей ситуации и предоставляла принципиальную возможность вытеснения мучившей Гончарова страсти при помощи цинизма».¹²

Форма послания «Pour et contre», как и его художественная стратегия в целом, были выбраны с целью «смягчить неловкость своего положения отвергнутого влюбленного».¹³ Эту же точку зрения разделял Недзвецкий, утверждая, что «непроста <...> форма этих посланий: легко прочитываемое признание и откровенная мольба сочетается в них с намеками и защитной самоиронией, прямота — с литературной маской. Таково в особенности письмо от 25 октября 1855 г. Здесь нарочитая грань между „исповедью“ персонажа вымышленного и автора раскрепощает одолеваемого робостью Гончарова и слугит обороной его самолюбия».¹⁴

Говоря о различиях двух собеседников в «Pour et contre», стоит обратить внимание на то, как впервые появляется образ «влюбленного друга» в письме Гончарова к Толстой от 20 октября 1855 года. Это послание открывается своеобразным «отчетом» о выполненных писателем по просьбе Толстой поручениях — и вполне закономерно написано от первого лица: «Тотчас после Вашего отъезда я послал к m-те Якубинской за салоном <...> Я отправил сегодня посылку к Юнии Дмитриевне <...> К этому я приложил присланную из дома Олсуфьевых какую-то наволочку <...> Обо всем этом имею честь Вас уведомить». И лишь затем начинается текст, в котором появляется «он»: «Всем без Вас скучно, не скажу — кому более всех; при всей моей *просвире* к Вам — не могу изменить чужому секрету. Он даже насильственно, почти посредством преступления овладел Вашим портретом <...> Он зашел к Левицкому узнать о портретах» (XI, 228). То есть — продолжая изложение своеобразного «отчета», Гончаров переходит от я-повествования к повествованию от третьего лица. Это дает основания предполагать, что писатель так или иначе опирался на романтическую традицию двойничества. При этом свои чувства и переживания он «передает» «приятелю», о котором говорится в третьем лице, но одновременно в «Pour et contre» собеседником «приятеля» становится «я», которое не тождественно «я» в переписке Гончарова, хотя сохраняет его профессиональную принадлежность к литературной сфере. Фактически, биографическое «я» корреспонденции распадается в «Pour et contre» на двух

венная история» // Филологические науки. 1982. № 2. С. 58–66; Отрадин М. В. «На пороге как бы двойного бытия...»: о творчестве И. А. Гончарова и его современников. СПб., 2012. С. 143–145, и др.). Приведенный нами пример — лишь один из образцов иронического обыгрывания хрестоматийных изречений и фразеологизмов; «пародическое и комическое цитирование, ироническое обыгрывание поэтических и мифологических мотивов — лишь частный случай общего принципа травестирования „высокого“, принципа, который выдерживается Гончаровым с исключительной последовательностью» (Гродецкая А. Г. «Пафос середины»: ирония и автоирония у Гончарова // Гончаров: живая перспектива прозы: Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely, 2013. С. 43 (Bibliotheca Slavica Savariensis; T. XIII)).

¹² Калинина Н. В. Музыка в жизни и творчестве И. А. Гончарова // Русская литература. 2004. № 1. С. 25–28.

¹³ Там же. С. 28.

¹⁴ Недзвецкий В. А. Эпистолярный жанр в творчестве и в жизни Гончарова. С. 331.

героев, воплощающих собой два противоположных видения ситуации и два противопоставленных жизненных кредо, которые соотносятся друг с другом как душа/разум, влюбленность/скептицизм, импровизация/рассудочность, восторг/цинизм и т. д. Это два антагониста, которые как бы отражают друг друга в кривом зеркале, но при этом неполноценны и немыслимы друг без друга. Проще говоря, это две стороны одной личности, переживающей противоречивые чувства; каждый из персонажей воплощает и акцентирует одну из сторон.¹⁵ Примечательно, что при всей разнице оценок и взглядов, «приятели»-собеседники действительно близки и дороги друг другу, относятся друг к другу хоть и с иронией, но предельно тепло и искренне. Они воплощают идеал искренней романтической дружбы, мечты о друге-двойнике, о чем позднее будет мечтать Райский в романе «Обрыв» — ср. с рассуждениями героя, обращенными к Вере: «Есть ли такой ваш двойник <...>, который бы невидимо ходил тут около вас, хотя бы сам был далеко, чтобы вы чувствовали, что он близко, что в нем носится частица вашего существования, и что вы сами носите в себе будто часть чужого сердца, чужих мыслей, чужую долю на плечах <...> Есть ли у вас здесь такой двойник, — это другое сердце, другой ум, другая душа, и поделились ли вы с ним, взамен взятого у него, своей душой и своими мыслями?... Есть ли?»¹⁶

Кроме романтического двойничества, «Pour et contre», как кажется, опирается на еще одну значимую литературную традицию — сократического диалога.¹⁷ Неоднократно указывалось, что Гончаров, закончивший словесное отделение Московского университета, прекрасно владел древнегреческим и латынью, хорошо знал античную литературу.¹⁸ Позднее, в конце 1870-х годов, в письме П. А. Валуеву он изложит свое представление о функции и особенностях построения диалогов: «Автор заметит, может быть, что именно в разговорах всего удобнее было развивать умом и устами действующих лиц его тезисы, главную цель романа и что он не обращал внимания на реальность или естественность речей, не снимал с последних фотографий, не смотрел в лица и слушал только о чем, а не как они говорят и т. д. Если так, то почему же не употреблено было им для этой цели более простого и краткого приема, именно — изложить тезисы в форме сократовых разговоров с учениками. Там скажет свой тезис Сократ, один ученик возразит, другой сделает вопрос, третий ответит и т. д. А читатель слышит все один голос, один ум и одну речь — Платона».¹⁹ В «Pour et contre» сталкиваются две точки зрения (влюбленно-сентиментальная, отстаивающая право на надежду и жизнь под властью чувств, и скептически-рациональная, нацеленная на развенчание бессмысленных надежд). Но читатель — а точнее, та единственная читательница, которой адресовался текст, — должна была услышать за ними только «один голос» — видимо, самого Гончарова.

Один из наиболее часто используемых приемов сократического диалога — синкриза, т. е. столкновение различных, часто противоположных точек

¹⁵ Ср.: «В каждом из них (то есть из двойников) герой умирает (то есть отрицается), чтобы обновиться (то есть очиститься и подняться над самим собою)» (Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 6. С. 144).

¹⁶ Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 7. С. 292.

¹⁷ О сократическом диалоге и менипповой сатире как истоках жанра романа и их преломлении в произведениях Ф. М. Достоевского, напомним, подробно писал М. М. Бахтин в «Проблемах поэтики творчества Достоевского» (см.: Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 6. С. 124–137).

¹⁸ Ср. с признаниями самого писателя: Гончаров И. А. 1) Автобиографии // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 7. С. 218, 222; 2) Воспоминания. I. В университете // Там же. С. 231, 246, 250. Ср. также: Тирген П. Обломовка как анти-Итака: архетип Одиссея в творчестве И. А. Гончарова // Имагология и компаративистика. 2018. № 10. С. 27–73.

¹⁹ Цит. по: Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938. С. 315.

зрения на обсуждаемый вопрос. В «Pour et contre» речь идет прежде всего о самой возлюбленной, ее личности, характере, а также о надеждах и планах влюбленного «приятеля».²⁰ Выше уже упоминалось о том, что в репликах собеседников использован различный музыкальный код, который противопоставляет их мнения, — но столкновение точек зрения основано и на литературных претекстах, которые способствуют созданию образа героини.

Так, трижды в «Pour et contre» в ироническом контексте — хотя и без подробных объяснений — упоминается конь: «Что ж такое что мальчик, да тут есть конь, она любит это...»; «...а румянец и огонь взглядов — все это обращено туда, где замешался „конь“ да „пожарная каска“ и т. д.»; «Они <...> приняли на себя человеческий образ, надели мундиры (некоторые сели на коней), они столкнут тебя в бездну <...> мне жаль тебя, ангел!». Ключ к пониманию этого образа, с нашей точки зрения, можно обнаружить в более ранней корреспонденции Гончарова и Толстой, где назван один из любимых ею писателей: «...я приложил <...> принесенные от переплетчика Ваши книги (5 том.) Февалья (ужели Вы любите этого автора?)» (XI, 227). Поль Анри Корентен Феваль (также Феваль-отец; Féval, 1816–1887) — автор приключенческих романов, пользовавшихся большой популярностью как в Европе, так и в России. Критиками он воспринимался как автор массовой, ничем не примечательной литературы, эпигон, лишенный таланта.²¹ Пятитомное издание — это, скорее всего, роман «Лондонские тайны», написанный в подражание «Парижским тайнам» Э. Сю.²² Среди многочисленных персонажей, тайн, интриг, сюжетных поворотов этого романа встречается и история Мери Мак-Ферлэн. Завязка этой сюжетной линии — эпизод, в котором один из главных героев Ферджус О’Брин, позднее фигурирующий в романе под именем маркиза Рио-Санто, благодаря своей огромной физической силе смог удержать испугавшегося коня и тем самым спас юную Мери, находившуюся в полуопрокинувшейся коляске и, конечно же, упавшую в обморок. Дальнейшая судьба влюбившейся в своего спасителя Мери была трагична — героев обманывает юный дворянин Годфрей Ленчестер, граф Вейт-Манорский, женой которого Мери и становится. Романтическая ситуация спасения трепетной красавицы бесстрашным героем — клише любовных романов. Но образ «коня» переосмысливается в «Pour et contre» как знак тех самых «румянца» и «огня взглядов», о которых говорит собеседник-«писатель», т. е. как знак увлечения и ложного, поверхностного чувства — что способствует снижению образа возлюбленной.²³

²⁰ По словам В. А. Котельникова, в «Pour et contre» «Гончаров продолжает познавательное вторжение в женскую природу <...> Однако жизненно-практической формы отношения к героине, к „вечно-женскому“ в ней он так и не находит и остается *болен ею*...» (Котельников В. А. «Вечно женское» как жизненная и творческая тема Гончарова // Гончаров: живая перспектива прозы. С. 167).

²¹ Ср.: «У г. Поля Февалья нет ни ума, ни воображения, ни страсти, ни этого мастерства увлекательно рассказывать даже вздоры, которым так владеют французы и в котором больше всего заключается тайна успеха их нелепых романов. В романе Поля Февалья не встретите ни одной из тех тонких поражающих черт, ни одной из тех увлекательных страниц, которые попадают иногда даже у Дюма в самых нелепых его романах...» (Современник. 1847. Т. 2. Вып. 2. Отд. III. Критика и библиография. Русская литература. С. 59).

²² Троллоп Ф. [Феваль П.]. Лондонские тайны: В 5 т. / Пер. П. Фурманна. СПб., 1845. Красноречивая оценка этого романа приводится, к примеру, в рецензии В. Г. Белинского: «Подражание всегда бывает ниже оригинала, особенно когда оно предпринимается ради денег. Несмотря на то, „Лондонские тайны“, чуждые всякой мысли, исполненные эффектов, натяжек, неестественности, преувеличений, чудовищностей, фарсов и нелепостей, — не только не лишены, но даже с избытком снабжены сказочным интересом, который не дает оторваться от книги, если вы ее начали читать» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 9. С. 178).

²³ Роман Февалья содержит и другие мотивы, которые так или иначе созвучны произведениям Гончарова. В качестве примера назовем двух героинь — сестер Анну и Клару, которые живут с тетюшкой (сестрой их отца), при этом обе влюблены в своего двоюродного брата. Кроме подобного

Упомянутая в том же контексте «пожарная каска» отсылает, возможно, к очерку А. Дюма «*Mon Odyssée au Théâtre-Français*» («Моя Одиссея во Французском Театре»²⁴). Рассуждая о способах повысить популярность спектаклей, автор с заметной долей иронии предлагает как можно чаще выходить на сцену пожарному: «*Le pompier qui sort de la coulisse, comprenez-vous, c'est l'intérêt populaire. Si vous entretenez le pompier au point qu'oubliant son devoir il sorte de la coulisse et en arrive à se mêler aux comparses, votre affaire est claire; vous avez un succès*» (рус. пер.: «Пожарный, выходящий из-за кулис, поймите, вызывает интерес публики. Если вы скажете пожарному, что, забыв о своих обязанностях, он должен выходить из-за кулис и общаться со статистами, ваше дело ясное; у вас есть успех»)²⁵. Закljučая размышления, Дюма замечает, что «*le casque du pompier, c'était le symbole du succès de larmes*» («каска пожарного — символ успеха слез», т. е. способна растрогать самую сентиментальную публику)²⁶.

Подобные сентиментальные увлечения героини «*Pour et contre*» дополняются не менее сентиментальным восприятием возлюбленной «приятелем». Высказанные им оценки полны клише романтической прозы — она не только «единственная из числа немногих» (XII, 223), она еще и «ангел»: «Я как будто встретил ангела <...> он остановил меня, приветливо взглянул на меня, взмахнул крыльями...» (XII, 228).²⁷ Лейтмотивным в диалоге героев становится мотив кокетства. Влюбленный «приятель» склонен рассматривать кокетство как признак «суеты» и «тщеславия» героини, которая «дорожит своей репутацией — красавицы» (XII, 224).²⁸

семейного положения, напоминающего Веру и Марфиньку из «Обрыва», показательно и еще одно совпадение. В «Лондонских тайнах» читаем: «...во втором этаже белого домика светился огонек сквозь кисейные занавески лилового цвета <...> огонек светился в спальне дочерей Энджу-са Мак-Ферлэна» (Троллоп Ф. [Феваль П.]. Лондонские тайны. Т. 2. С. 7). Ср. в «Обрыве»: «...взглянул на окно Веры: там тихо, не видать ее самой, только лиловая занавеска чуть-чуть колышется от ветра» (Гончаров И. А. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 300; позднее влюбленный Райский будет мучительно «караулить, когда беленькая ручка откинет лиловую занавеску...» — Там же. С. 338). Впоследствии Анну спасет от похитителей Анджело Бембо, который, узнав, что его чувства не взаимны, примет решение никогда более не встречаться с ней, чтобы «перестать <...> любить». Анна признается: «...я могу вас любить только как сестра... потому что я уже люблю Стефена...». Впрочем, в «Заключении» читатель узнает о том, что спустя время Анна все же стала «мистрисс Бембо». Но нельзя не вспомнить мучительные попытки Райского, покоренного Верой, уехать из Малиновки. Конечно же, нет оснований говорить о влиянии романа Феваля с его многочисленными и необоснованными сюжетными поворотами и головокружительными, психологически не мотивированными страстями на «Обрыв» — однако можно предположить, что отдельные детали и элементы фабулы французского романа, нравившегося Толстой, в позднем романе Гончарова прозвучали как далекое эхо-вспоминание.

²⁴ Théâtre-Français (*фр.*) — букв. Французский Театр, более известен как «Комеди Франсез» (Comédie-Française).

²⁵ Dumas A. *Mon Odyssée au Théâtre-Français // Paris et les Parisiens au XIXe siècle: mœurs, arts et monuments*. Paris, 1856. P. 364–365. Перевод наш. — О. М.

²⁶ Ibid.

²⁷ О романтических клише в художественных произведениях и эпистолярной Гончарова см. выше статью Е. М. Филипповой «„Магнетическая любовь“ и „слезы-проводники“: романтические клише в эпистолярной и творчестве И. А. Гончарова» (с. 46–56).

²⁸ Мотив женщины-кокетки получит более детальную разработку в «Обрыве», где Гончаров противопоставит грациозности, естественно присущей женщине, — кокетство. Женщина кокетничает тогда, когда неискренна, когда обманывает и стремится привлечь внимание. Ср.: «Кокетничала — стало быть, обманывала его!» (Гончаров И. А. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 542); «Эта живость речи, быстрые движения, насмешливое кокетство — все казалось ему неестественно в ней» (Там же. С. 573). Эта идея Гончарова, как неоднократно указывалось, восходит к Шиллеру; см.: Тирген П. Обломов как человек-обломок // Русская литература. 1990. № 3. С. 27; Калинина Н. В. Проблема идеальной героини в романе // Гончаров И. А. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 256–257, и др.

«Писатель» склонен к более реалистической оценке, а потому пытается предостеречь своего «лучшего друга» от крайностей. Здесь, во-первых, примечательна его ирония, обращенная на романтическую идеализацию, присущую влюбленному:

«— Да, встретил ангела, он остановил меня, приветливо взглянул на меня, взмахнул крыльями...

— И пропел *кукареку*, — перебил я» (XII, 228).²⁹

Высказываемые лирическим героем идеи созвучны тем, которые во многом разделял сам Гончаров и которые впоследствии будут «переданы» Райскому. «Писатель» в «Pour et contre» высказывает сожаления: «Если б она рано вышла замуж за порядочного человека, с головой и с сердцем, он бы, конечно, твердой рукой повел ее к ее назначению и она была бы безукоризненной женой, может быть, идеалом жен, вроде римских матрон. А теперь она dans une fausse position (в ложном положении. — *фр.*), или лучше сказать position incertaine (в неопределенном положении. — *фр.*)» (XII, 223). Мысль о том, что замужество необходимо для нравственного и интеллектуального развития девушки, что муж должен стать ее учителем и воспитателем, «вечным опекуном», — одна из ключевых в сочинениях Ж. Мишле (Michelet; 1798–1874): «Как отец, ты будешь с каждым днем создавать ее ум. Как брат, ты будешь поддерживать ее дружескими беседами, милым товариществом. Как мать, ты позаботишься о ее нуждах, будешь ласкать, баловать ее, укладывать спать <...> И между тем, окружая ее всеми этими мелочами, пустыми и детскими, ты увлечешь ее за собою в будущее».³⁰ Именно возможность самостоятельно «развивать» женщину так, как нужно мужчине, — залог счастливого брака. Соответственно, «писатель» в «Pour et contre» признает, что «пробел в нравственном воспитании» (XII, 223) героини связан с тем, что она не замужем, — но одновременно соглашается, что «она выдержала, строго и прилично, курс молодости...» (XII, 224). Таким образом он предостерегает своего «друга» и от категоричного осуждения «мелочного стремления» героини «нравиться всем».

В эдизционной и исследовательской практике «Pour et contre» печатается и анализируется как частное письмо — именно так оно было опубликовано П. Н. Сакулиным в «Голосе минувшего». Чувства влюбленного «приятеля» при этом воспринимаются как чувства самого Гончарова. Однако детальный анализ текста показывает, что подобное решение вряд ли можно считать верным. Сам Гончаров осмыслял письмо как «главу романа», хоть и адресованную лишь одному читателю — Е. В. Толстой. Он «изъял» этот фрагмент из письма и позднее отправил как отдельный, приложенный к письму и не зависимый от него текст. Кроме того, особенности поэтики «Pour et contre» показывают, что ни один из героев — при всей их биографичности — не равен ни самому Гончарову, ни конкретным людям из его окружения. С определенной долей условности можно утверждать, что оба героя — и влюбленный

²⁹ Ирония здесь служит средством для введения анакризы — второго распространенного приема сократического диалога, нацеленного на то, чтобы заставить говорящего полностью высказать мнение. Помимо сниженного переосмысления шаблонных романтических образов, анакриза формируется в «Pour et contre» с помощью композиционных повторов (например, образа дружбы — «просвиры»), подбора синонимов к словам собеседника (демоны — лешие), формальных восклицаний («как это жаль!»), провокационных обвинений собеседника в неискренности («лукавишь!»), цитат («Так ты думаешь, как Плюшкин у Гоголя, что *против душеспасительного слова она не устоит*»; XII, 224) и т. п.

³⁰ Мишле Ж. Женщина. Одесса, 1863. С. 248–249. Работы Жюль Мишле были во многом созвучны мнениям Гончарова по «женскому вопросу» и частично отразились в его романах «Обломов» и «Обрыв». См. подробнее: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 273–276; Т. 9 (в печати).

«приятель», и «писатель», от лица которого ведется повествование, — наследуют некоторый комплекс черт Гончарова: первый — его чувства, второй — его логические рассуждения и род деятельности. С нашей точки зрения, «Pour et contre» — самостоятельное художественное произведение, которое конструирует воображаемый мир, опосредующий реальность, и опирается на определенные жанровые (фрагментарность, диалогичность) и стилистические (ирония, цитатность) традиции.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-74-83

© С. Н. ГУСЬКОВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФЕЛЬЕТОН И. А. ГОНЧАРОВА

Корпус газетных статей И. А. Гончарова 1860-х годов, опубликованных анонимно или под псевдонимами, формировался несколькими исследователями.¹ Этот корпус, разумеется, неполон, его состав ожидаемо и справедливо дискусионен, нет консенсуса и относительно историко-литературной ценности такого рода произведений.² Инициатором пренебрежительного отношения к газетным статьям был сам Гончаров, многократно повторявший в письмах к А. А. Краевскому, что очередной посылаемый текст можно бросить под стол, как угодно изменить, а также что его основная мотивация при создании фельетонов и заметок — это бесплатная подписка на газету.³ Свойственная Гончарову ирония, безусловно в этих письмах присутствовавшая, исследователями не всегда считывалась, что проявлялось в игнорировании газетных произведений писателя или в подчеркнуто негативной их оценке. Их реабилитация традиционно осуществлялась за счет потенциальной привязки, например, к романам в качестве материалов или набросков. Нет сомнений в справедливости такого способа осмысления этой части наследия Гончарова, но, как представляется, газетные очерки имеют и самостоятельную ценность, например они важны для уточнения его общественных взглядов. Декларируемая писателем строгая объективность художественного творчества (*sine ira*

¹ См.: Мазон А. Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова. СПб., 1912; Рейфман П. С. И. А. Гончаров и газета «Голос» // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1971. Вып. 18. С. 222–226 (Учен. зап. Тартуского ун-та; вып. 266); Гайнцева Э. Г. И. А. Гончаров и «Петербургские отметки» (к атрибуции фельетонов в «Голосе») // Русская литература. 1995. № 2. С. 163–180; Зубков К. Ю. И. А. Гончаров-фельетонист на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» // Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 205-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2017. С. 213–224; Гуськов С. Н. 1) И. А. Гончаров-газетчик. Неизвестный текст автора «Обломова»? // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3 (88). С. 111–120; 2) Экономика патриотизма (И. А. Гончаров в «Северной почте») // Складчина: Сб. статей к 50-летию профессора М. С. Макеева / Под ред. Ю. И. Красносельской и А. С. Федотова. М., 2019. С. 63–70; 3) О неизвестных статьях И. А. Гончарова в газете «Северная почта» // Русская литература. 2022. № 4. С. 143–152; 4) Зачем «Северная почта» в 1863 году призывала русских дворян вернуться на родину // Там же. 2023. № 4. С. 180–191.

² См., например, утверждение об этом А. Мазона: «Литературные достоинства этих статей <...> весьма незначительны и в большинстве случаев даже совсем ничтожны. Поэтому считаем лишним приводить их все целиком или хотя бы длинные цитаты из них» (Мазон А. Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова // Русская старина. 1912. № 3. С. 550).

³ См.: Там же. С. 551, 553.

9. *Il'inskaia T. B.* Kategorii vremeni v romane «Oblomov» (K istorii voprosa) // Russkaia literatura. 2002. № 3.
10. *Kazakova S. K.* Geroi romana «Obryv» na fone ekonomicheskoi istorii Rossii // Voprosy literatury. 2015. № 6.
11. *Kliuchevskii V. O.* Kurs russkoi istorii. Ch. V. Lektsiia LXXXV // Kliuchevskii V. O. Soch.: V 9 t. M., 1989. T. 5.
12. *Mironenko S. V.* Stranitsy тайной истории самодержавия. Politicheskaya istoriya Rossii pervoi poloviny XIX stoletiya. M., 1990.
13. *Piksanov N. K.* Belinskii v bor'be za Goncharova // Uchen. zap. Leningradskogo un-ta. Ser. filologicheskikh nauk. 1941. № 76. Vyp. 11.
14. *Piksanov N. K.* Roman Goncharova «Obryv» v svete sotsial'noi istorii. L., 1968.
15. *Sergeeva N. I.* Analiz kolichestvennykh pokazatelei deistviia Ukaza o svobodnykh khlebopashtsakh // Voprosy istorii Rossii XIX – nachala XX veka. L., 1983.
16. *Sergeeva N. I.* Bor'ba vokrug voprosa o likvidatsii krepostnogo prava v sviazi s Ukazom ot 2 aprelya 1842 goda ob obiazannykh krest'ianakh // Uchen. zap. Gor'kovskogo gos. un-ta. Gor'kii, 1965. Vyp. 78. Iz istorii obshchestvennogo dvizheniia i obshchestvennoi mysli v Rossii v XIX veke.
17. *Timofeev D. V.* Praktika osvobozhdeniia krest'ian v vol'nye khlebopashtsy v tsarstvovanie Aleksandra I // Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. Istoriia. 2019. T. 64. Vyp. 4.
18. *Tiutcheva A. F.* Vospominaniia. M., 2002.

Ольга Владимировна Макаревич

научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ol'ga Vladimirovna Makarevich

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-0244-5797

philologolga@gmail.com

КОНТЕКСТЫ ПИСЬМА-ИСПОВЕДИ («POUR ET CONTRE» И. А. ГОНЧАРОВА)

CONTEXTS OF A CONFESSIONAL LETTER (POUR ET CONTRE BY I. A. GONCHAROV)

Отправленная И. А. Гончаровым Е. В. Толстой «глава романа» под заглавием «Pour et contre» традиционно рассматривается в эдиционной и исследовательской практике как одно из писем. Однако, несмотря на свойственную ему автобиографичность, текст следует принципам художественной условности, что отражается в его жанровых, композиционных и стилистических особенностях.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, Е. В. Толстая, «Pour et contre», корреспонденция.

The «chapter from the novel» sent by I. A. Goncharov to E. V. Tolstaya under the title *Pour et Contre* is traditionally considered in publishing and research as one of his letters. However, despite its inherent autobiographical features, the text follows the principles of artistic convention, which is reflected in its genre, compositional and stylistic features.

Key words: I. A. Goncharov, E. V. Tolstaya, *Pour et Contre*, correspondence.

Список литературы

1. *Алексеев М. П.* Английская литература: Очерки и исследования. Л., 1991.
2. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 6.
3. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 9.
4. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 6, 7, 9.

5. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1954. Т. 7.
6. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 7.
7. Гродецкая А. Г. «Пафос середины»: ирония и автоирония у Гончарова // Гончаров: живая перспектива прозы: Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely, 2013 (Bibliotheca Slavica Savariensis; Т. XIII).
8. Демиховская О. А. «Послегончаровская» судьба Е. В. Толстой // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. конф., посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1998.
9. Демиховская О. А. Творческая история романа И. А. Гончарова «Обломов» // Гончаров И. А.: Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года. Ульяновск, 1992.
10. Ильин И. П. Открытое произведение // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М., 2004.
11. Калинина Н. В. Музыка в жизни и творчестве И. А. Гончарова // Русская литература. 2004. № 1.
12. Калинина Н. В. Проблема идеальной героини в романе // Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 6.
13. Котельников В. А. «Вечно женское» как жизненная и творческая тема Гончарова // Гончаров: живая перспектива прозы: Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely, 2013 (Bibliotheca Slavica Savariensis; Т. XIII).
14. Маркович В. М. Своеобразие диалогического конфликта в романе Гончарова «Обыкновенная история» // Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы). Л., 1982.
15. Маркович В. М. Чужая речь и взаимодействие речевых манер в романе Гончарова «Обыкновенная история» // Филологические науки. 1982. № 2.
16. Недзвецкий В. А. Эпистолярный жанр в творчестве и в жизни Гончарова // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования.
17. Отрадин М. В. «На пороге как бы двойного бытия...»: о творчестве И. А. Гончарова и его современников. СПб., 2012.
18. Рыбасов А. И. А. Гончаров. М., 1962.
19. Турген П. Обломовка как анти-Итака: архетип Одиссея в творчестве И. А. Гончарова // Имагология и компаративистика. 2018. № 10.
20. Турген П. Обломов как человек-обломок // Русская литература. 1990. № 3.
21. Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. М., 1977.
22. Ehre M. Oblomov and His Creator: The Life and Art of Ivan Goncharov. Princeton, 1973.

References

1. Alekseev M. P. Angliiskaia literatura: Ocherki i issledovaniia. L., 1991.
2. Bakhtin M. M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo // Bakhtin M. M. Sobr. soch. M., 2002. Т. 6.
3. Belinskii V. G. Poln. sobr. soch. M., 1955. Т. 9.
4. Chicherin A. V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo stil'ia: Povestvovatel'naia proza i lirika. M., 1977.
5. Demikhovskaia O. A. «Poslegoncharovskaia» sud'ba E. V. Tolstoi // I. A. Goncharov: Materialy Mezhdunar. konf., posviashchennoi 185-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Goncharova. Ul'ianovsk, 1998.
6. Demikhovskaia O. A. Tvorcheskaiia istoriia romana I. A. Goncharova «Oblomov» // Goncharov I. A.: Materialy iubileinoi goncharovskoi konferentsii 1987 goda. Ul'ianovsk, 1992.
7. Ehre M. Oblomov and His Creator: The Life and Art of Ivan Goncharov. Princeton, 1973.
8. Goncharov I. A. Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2004. Т. 6, 7, 9.
9. Goncharov I. A. Sobr. soch.: V 8 t. M., 1954. Т. 7.
10. Goncharov I. A. Sobr. soch.: V 8 t. M., 1980. Т. 7.
11. Grodet'skaia A. G. «Pafos serediny»: ironiia i avtoironiia u Goncharova // Goncharov: zhiivaia perspektiva prozy: Nauchnye stat'i o tvorchestve I. A. Goncharova. Szombathely, 2013 (Bibliotheca Slavica Savariensis; Т. XIII).
12. Il'in I. P. Otkrytoe proizvedenie // Zapadnoe literaturovedenie XX veka: Entsiklopediia. M., 2004.
13. Kalinina N. V. Muzyka v zhizni i tvorchestve I. A. Goncharova // Russkaia literatura. 2004. № 1.
14. Kalinina N. V. Problema ideal'noi geroini v romane // Goncharov I. A. Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2004. Т. 6.

15. Kotel'nikov V. A. «Vechno zhenskoe» kak zhiznennaiia i tvorcheskaiia tema Goncharova // Goncharov: zhivaiia perspektiva prozy: Nauchnye stat'i o tvorchestve I. A. Goncharova. Szombathely, 2013 (Bibliotheca Slavica Savariensis; T. XIII).

16. Markovich V. M. Chuzhaia rech' i vzaimodeistvie rechevykh maner v romane Goncharova «Obyknovennaia istoriia» // Filologicheskie nauki. 1982. № 2.

17. Markovich V. M. Svoeobrazie dialogicheskogo konflikta v romane Goncharova «Obyknovennaia istoriia» // Markovich V. M. I. S. Turgenev i russkii realisticheskii roman XIX veka (30–50-e gody). L., 1982.

18. Nedzvetskii V. A. Epistolarnyi zhanr v tvorchestve i v zhizni Goncharova // Lit. nasledstvo. 2000. T. 102. I. A. Goncharov. Novye materialy i issledovaniia.

19. Otradin M. V. «Na poroge kak by dvoynogo bytiia...»: o tvorchestve I. A. Goncharova i ego sovremennikov. SPb., 2012.

20. Rybasov A. I. A. Goncharov. M., 1962.

21. Tirgen P. Oblomov kak chelovek-oblomok // Russkaia literatura. 1990. № 3.

22. Tirgen P. Oblomovka kak anti-Itaka: arkhetip Odisseia v tvorchestve I. A. Goncharova // Imagologiya i komparativistika. 2018. № 10.

Сергей Николаевич Гуськов

зам. директора по научной работе Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН; доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Sergei Nikolaevich Gus'kov

Deputy Director, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences; Docent, National Research University
Higher School of Economics (St. Petersburg)

ORCID: 0000-0002-5921-9926

sgouskov@gmail.com

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФЕЛЬЕТОН И. А. ГОНЧАРОВА

AN UNKNOWN ST. PETERSBURG FEUILLETON BY I. A. GONCHAROV

В статье предложена атрибуция фельетона в газете «Северная почта». Участие в создании текста главного редактора газеты И. А. Гончарова аргументируется совокупностью факторов: обстоятельствами его биографии, жанровыми, тематическими и текстуальными параллелями с другими его текстами.

Ключевые слова: атрибуция, газета, русская литература XIX века, Санкт-Петербург.

The article provides the attribution of the feuilleton, published in the newspaper *Severnaya Pochta*. The researcher proves I. A. Goncharov's authorship by a set of factors: his life circumstances, genre, thematic and textual parallels with his other texts.

Key words: attribution, newspaper, Russian literature of the 19th century, St. Petersburg.

Список литературы

1. Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960.
2. Гайнцева Э. Г. И. А. Гончаров и «Петербургские отметки» (к атрибуции фельетонов в «Голосе») // Русская литература. 1995. № 2.
3. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2017. Т. 15.
4. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8.